ванных). Альтернативный взгляд на маркированность высказывается и в многочисленных работах американского лингвиста М. Шаниро [15], существуют и другие теории.

В гл. 12 «Заключения» подводятся итоги исследования. Важным выводом, к которому приходит Ц. Акамацу, является отличие фонологической оппозиции от оппозиции фонической (фонетической). Фонологическая оппозиция (в отличие от фонической) может подвергаться нейтрализации. Членами фонологической оппозиции являются не звуки (=члены фонической оппозиции), а фонемы и архифонемы, т. е. минимальные (дистинктивные) единицы вторичной артикуляции. Фонемы — члены нейтрализуемой оппозиции состоят из некоторого общего числа релевантных признаков, образующих архифонему. Фонологическое содержание фонемы определяется входящими в ее состав релевантными признаками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Viel M. La notion de «marque» chez Troubetzkoj et Jakobson: Un épisode de l'histoire de la pensée structurale. Lille; Paris, 1984.
2. Журавлев В. К. // ВЯ. 1987, № 5. Рец. на кн.: Viel M. La notion de «marque» chez Troubetzkoj et Jakobson. Lille; Paris, 1984.
3. Letters and notes of N. S. Trubetzkoy / Prepared by Jakobson R. with the assistance of Barab H., Ronen O. and Taylor M. The Hague, 1975.
4. Martinet A. Neutralisation et archiphoneme // TCLP. 1936. № 6.
5. Martinet A. La notion de neutralisation dans la morphologie et le lexique. P., 1957.
6. Трубеткой Н. С. Основа фонологии. М., 1960.
7. Cairns Ch. Markedness, neutralisation and universal redundancy rules // Language. 1969. V. 45. P. 863—865.
8. Davidsen-Nielsen N. Neutralisation and archiphoneme: two phonological concepts and their history. Copenhagen, 1978.
9. Журавлев В. К. Диакроническая фонология. М., 1986.
10. Jakobson R. O. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929.
11. Пирогова Н. К. Вокализм и консонантизм русского языка: Синтагматика и парадигматика: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1985.
12. Гамкрелидзе Т. В. Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция // ИАН СЛЯ. 1977. № 3.
13. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.
14. Гамкрелидзе Т. В. Маркированность в фонологии и типология фонологических систем // Теоретические основы классификации языков мира. [М., 1980.
15. Shapiro M. The sense of grammar. Language as semiotics. Bloomington, 1983.

Журавлев В. К., Шахмайкин А. М.

Алпатов В. М. Япония. Язык и общество. М.: Наука, 1988. 136 с.

Автор поставил перед собой задачу дать краткий научно-популярный очерк языковой ситуации в современной Японии, доступный читателю-нелингвисту. Цель столь же заманчивая, сколь и трудная. Это связано не только с необозримым обилием фактического материала, но и с засильем в нашем массовом сознании большого числа стереотипов о Японии, японцах, их жизни, культуре и, не в последнюю очередь, их языке.

У большинства читателей, интересующихся Японией, закрепился устойчивый образ японского языка как языка с иероглифической письменностью и потому трудного для изучения. Воспитанному в европоцентристской модели мышления человеку зачастую непонятно, зачем усложнять письмо иероглификой при наличии слоговой азбуки кана, с помощью которой легко записывается любое японское слово. Недоумение сменяется удивлением, когда узнают, что кана существ-

вует в двух равноправных видах — имеются так называемая хирагана, которой записывают изменяемые части слов, а иногда и целые слова, и катакана, используемая сейчас главным образом для фонетической записи заимствований из европейских языков. Зачем вообще пользоваться тремя системами записи там, где, казалось бы, можно обойтись одной? При более тесном знакомстве с японским языком и условиями его функционирования в стране число подобных вопросов быстро возрастает. К сожалению, наши языковеды не часто обращаются к социолингвистическим аспектам японского языка, ограничиваясь большей частью формальными и полудформальными исследованиями его грамматических и лексических структур. Книга В. М. Алпатова, преодолевшего эту односторонность, уже только поэтому представляется своевременной и нужной.

Автор кратко рассматривает историю

становления современного национально-литературного японского языка, отмечая, что он начал складываться после буржуазной революции 1867—1868 гг. на базе токиоского наддиалектного образования — разговорного языка токийских самураев и зажиточных горожан — и староречьменного японского языка бунго, восходящего к языку высших слоев японской аристократии периода Хэйан (IX—XII вв.). Иными словами, современный японский язык, окончательно сложившийся после 1945 г., имеет глубокие исторические корни.

Система литературного языка может быть противопоставлена другим формам существования языка — территориальным и социальным диалектам, просторечию, языкам национальных меньшинств. С этой точки зрения и анализируется языковая ситуация в современной Японии в первой главе книги. Автор подчеркивает, что в условиях сплошной грамотности и постоянного воздействия средств массовой информации практически все население страны живет в туже литературного языка и свободно им владеет. С другой стороны, большая часть взрослых японцев свободно говорит на диалектах, которые, как справедливо замечает автор, имеют четко выраженные социальные функции: на диалекте обращаются к членам «своей» группы — семье, деревни, землячества. Приверженность японцев групповому поведению, неоднократно отмечавшаяся исследователями, гарантирует сохранение и развитие этой формы языкового существования; дополнительную поддержку диалектам оказывает и стремление японцев к осознанию своих корней, повышенное внимание ко всему комплексу, охватываемому понятием «малая родина» (япон. *фурусаато*). К сожалению, социальным диалектам и просторечию в книге уделено меньше места, отчасти, возможно, и потому, что научная информация о них весьма скудна, а непосредственные контакты с носителями этих форм для исследователя-иностранца затруднительны. Резонно отмечается, что другие языки, в том числе, вопреки распространённому заблуждению, и английский, в Японии используют крайне ограниченно.

Анализ особенностей японской письменности, выполненный автором во второй главе работы, достаточно традиционен по духу, но, несомненно, будет интересен для массового читателя. Известно, что японцы не имели собственной письменности до заимствования и освоения к VIII в. китайских иероглифов. Последние использовались для записи как китайских заимствований (так называемых канго), так и корней чисто японских слов, но были неудобны для представле-

ния грамматических элементов и уступили эту функцию уже упоминавшейся хирагане. При этом чтения иероглифов в канго и японских словах не совпадают. Так сложилась система письма, которая до сих пор вызывает протест у всех начинающих изучать японский язык: мало того, что японский текст не имеет пробелов и пестрит иероглифами, но и читаются они неоднозначно, так что чтение данного иероглифа зависит от того, какие элементы в тексте стоят до и после него! Несмотря на такие сложности, как справедливо замечает автор, «...идея полной отмены иероглифики... никогда не имела серьезного значения и воспринимается на том же уровне, что и призывы к замене японского языка на английский» (с. 37). Причина здесь в том, что за свою тысячелетнюю историю японский язык приспособился к иероглифической письменности, и в нем произошли изменения, делающие упразднение иероглифики невозможным без значительного преобразования всего языка, прежде всего, его лексической системы. В частности, китаизмы-канго обладают большой омофонией, что затрудняет их восприятие на слух или при записи слоговой азбукой. Автор приводит типичный пример такой омофонии: в «Большом японско-русском словаре» насчитывается 23 слова, различающихся иероглифическим написанием, но имеющих одинаковые чтения *ко* : *сё* : . Заметим, что в японских словарях имеются и более впечатляющие примеры; так, словарь «Нихон кокуго дзэнэн» содержит 85 слов с чтением *ко* : *сё* : . Ясно, что в этих условиях переход к записи текстов слоговой азбукой или латиницей ничего, кроме путаницы, вызвать не может. Эти вопросы достаточно подробно освещены в японоведческой литературе, но, думается, автор совершенно резонно еще раз заостряет на них внимание читателя.

Заметим в связи с этим, что иероглифическая проблема имеет еще один важный аспект. В последнее время роль иероглифов продолжает возрастать в связи с развивающимися процессами информатизации японского общества. Автор лишь вскользь затрагивает эту проблематику, ссылаясь на мнение, согласно которому с распространением новых технических средств и словопроцессоров «недостатки иероглифики становятся менее значимыми» (с. 45). На мой взгляд, в этом контексте нужно говорить не о недостатках, а о незаменимости иероглифики в современных системах передачи информации в японском обществе в целом. Иероглифы идеально приспособлены для передачи максимальной информации в минимуме объема, ибо, в отличие от слоговой азбуки или латиницы, за каждым

знаком тянется большой шлейф значений, часто идеографического плана. Не случайно идеограммы множатся и в странах с европейской системой письма; к ним относятся многочисленные указатели, дорожные и товарные знаки, номера телефонов экстренных служб, спортивная символика и т. п. Информационная «насыщенность» и «неожиданность» иероглифов привела и к частичному возврату к ним при написании старых японских заимствований из европейских языков. Весьма часто в рекламах и вывесках можно встретить написанные иероглифами слова *ко:хи*: (кофе), *табако* (табак), и т. п.; традиционно их писали катаканой. Словом, компактность иероглифической записи удачно используется всюду, где нужно в ограниченный объем вложить максимум значимости — от газетных заголовков до современных машинных систем обработки и обмена информацией. Жаль, что этому качеству иероглифов, столь важному для бурно развивающейся информатики и неисследованному у нас, автор уделил так мало внимания. Анализ такого рода был бы с благодарностью встречен многочисленными читателями, особенно теми, кто занимается проблемами машинного перевода и, шире, весьма актуальной в наше время проблемой диалога человек — машина. Большой опыт, уже приобретенный в этой области японскими исследователями, представляет для нас несомненную ценность.

Довольно подробно автор говорит о формах вежливости в японском языке. Воистину, справедлива старая мысль: в культуре универсально значимо лишь уникальное. Отличие японского языка от европейских лежит, кроме всего прочего, и в обилии в нем гонорифических форм, причем не только лексических, но и грамматических. Можно сказать, что по сравнению с европейскими японский язык гораздо более социализирован. Очень важно, что в рецензируемой книге это обстоятельство четко отражено: «...та или иная вежливая или невежливая форма сказуемого присутствует почти в любом японском предложении. Поэтому японец не может избежать своего отношения по крайней мере к собеседнику... Встает вопрос выбора форм, и выбор этот социально обусловлен. В самом общем виде социальные противопоставления, значимые для выбора форм, сводятся к двум: — «высший — низший» и «свой» — «чужой»» (с. 57). Стоило бы подчеркнуть, что, иными словами, вежливость в японском языке — это не только вежливость. Используя гонорифические формы, японец практически в любой языковой ситуации находит с их помощью точку равновесия в постоянно меняю-

щейся гибкой системе социальных связей, которая и обуславливает общение. Может быть, не было бы лишним отметить и то, что в речевом общении японцев очень важны «обратные связи»: говорящий, часто на бессознательном уровне, учитывает не только возраст, пол, социальное положение, но и интонацию собеседника, его вазомоторные реакции, наконец, расстояние между разговаривающими и постоянно в своей речи реагирует на изменение этих параметров. Важно, что сама иерархия, определяющая правомочность и необходимость использования вежливых форм, значительно отличается от привычной нам; так, бросается в глаза употребление «сверхвежливых» форм японскими работниками сферы обслуживания по отношению к клиентам, которые традиционно считаются почетными гостями, ошачливившими магазин, банк или транспортное средство своим присутствием.

Рассматривая эволюцию форм вежливости в японском языке, автор обращает внимание на общую тенденцию к их упрощению. Многие слова и грамматические формы отесняются на периферию языка, уровень вежливости некоторых слов и форм быстро снижается. К таким словам сейчас можно отнести, например, местоимение 2 лица *анага* «вы», за время жизни одного поколения сделавшего эволюцию от очень вежливого до недостаточного вежливого (в вежливом стиле речи к собеседнику принято обращаться в третьем лице). С другой стороны, «противопоставление вежливых и невежливых форм по отношению к собеседнику устойчиво и не проявляет каких-либо тенденций к ослаблению» (с. 68).

К сожалению, при анализе способов передачи вежливости в японском языке автор ограничился только чисто грамматическими аспектами этой проблемы. Не затронута, например, такая особенность, как непривычная для европейского уха «расплывчатость» японской речи, типичное для нее употребление большого числа отрицаний, нанизываемых друг на друга, при сохранении общего положительного смысла высказывания. Это также является показателем вежливости, поскольку предполагает, что говорящий не навязывает своего мнения собеседнику.

Автор отмечает и еще одну уникальную особенность японского языка: кардинальные различия в речи женщин и мужчин, причем это расхождение столь велико, что «можно говорить не только о речевых различиях, но и об особых, половых по своему функционированию разновидностях японского языка» (с. 69), различающихся грамматически и лексически. В качестве примера автор рассматривает системы местоимений 1 и 2 лица и модально-

экспрессивных частиц, обычно завершающих предложение. Показано, что женщины и мужчины используют совершенно разные слова. Различия мужского и женского языков связаны также с употреблением форм вежливости (женщины избегают самых невежливых, мужчины — самых вежливых форм), однако самое главное различие кроется в правилах построения речи вообще: мужская речь более информативна, женская — более эмоциональна, но беднее лексически. Рассматривая изменения женского языка, происшедшие в последние годы, автор подводит нас к выводу, что грамматические особенности женской речи сглаживаются по мере ликвидации социального неравенства женщин в Японии и выхода их на арену общественной и политической жизни. Именно с этим связывается наметившаяся в последнее время тенденция к снижению вежливости женской речи. Нельзя, однако, не согласиться и с выводом автора о том, что нет оснований ожидать скорого исчезновения различий в использовании японского языка мужчинами и женщинами. На мой взгляд, это сглаживание и далее будет идти по пути сближения грамматических форм при общем сохранении в женской речи большей эмоциональности и следовании типичным речевым образцам. Иными словами, женская речь сохранится опять-таки как знак принадлежности к «своей» группе.

Часть работы В. М. Алпатов посвящена заимствованиям из европейских языков — так называемым гайрайго, которые в устной речи весьма часто выделяются своим нетипичным для исконно японских слов фонетическим обликом, а на письме передаются катаканой. Как известно, первые гайрайго появились в японском языке еще в XVI в., но основной наплыв заимствований произошел после второй мировой войны преимущественно из американского варианта английского языка. «Во многих случаях они бывают необходимы, обозначая реалии, которые не могут быть названы иначе; развитие терминологии невозможно без использования интернационализмов. Однако в японских газетах и журналах, лингвистических изданиях последних десятилетий постоянны жалобы на засилье гайрайго в современном языке, на обилие совершенно ненужных американизмов» (с. 87). Действительно, автору рецензии приходилось даже слышать от иностранцев, подолгу живущих в Японии, что в повседневной жизни они вполне обходятся знанием одного только «катаканного языка». На первый взгляд, такое утверждение близко к истине. Вывески, объявления, журналы, реклама, этикетки заполнены такими словами, как *видео* (видео), *адаруцу*

суцу («костюмы для взрослых» от англ. *adults suits*), *айсу-куруму* («мороженое» от англ. *ice-cream*), *са: бису* («сервис» от англ. *service*) и т. п. Можно понять авторов программы культурных событий на международной выставке ЭКСПО-85, именовавших свое детище на «заграничный» манер *ибэнто гайдо* (от англ. *event guide*), но почему отделения чисто национальной культурной программы «Нихонно мацүри» («Японские праздники») на этой же выставке назывались *наммо ван, наммо цу*: (от англ. *part one, part two*)? Более детальный анализ этих типичных языковых явлений, который только намечен, хотелось бы видеть и в рецензируемой книге.

Рассматривая проблему заимствований, В. М. Алпатов отмечает сильную неоднородность распределения гайрайго по сферам употребления: их заметно больше в текстах, связанных с рекламой, эстрадной музыкой, модой и т. п. Отсюда автор делает вывод, что «все перечисленные тексты с большим количеством гайрайго по тематике связаны со сферой потребления», а «очень многие гайрайго обозначают предметы и явления, связанные с американской массовой культурой, ориентированной на сферу потребления. Здесь американское влияние в современной Японии очень велико, и США стремятся к еще большему ее распространению. В сфере потребления наиболее престижным считается все американское, а задача рекламы японских товаров, японской эстрады и т. д. вытекает из необходимости убедить потребителя в том, что они не уступают американским» (с. 90, 91). В этом автор и видит основную причину распространения гайрайго.

Против такого вывода хочется возразить. Оставляя в стороне вопрос, насколько сейчас необходимо убеждать потребителя в том, что, скажем, качество японского видеомаягнитофона выше, чем американского (японские фирмы контролируют практически весь мировой рынок видеотехники не в последнюю очередь именно благодаря высокому качеству своей продукции), отметим, что сводить причину распространения заимствований в японском языке только к влиянию американской массовой культуры, на мой взгляд, неправомерно. Причины этого явления лежат глубже и уже анализировались многими советскими и японскими исследователями. Так, известный японский лингвист, профессор университета Ибараки Т. Исивата в книге «Иноязычные слова в японском языке» («Нихонго-но нака-но гайкокуго», изд. «Иваномо сётэн», 1985) выделяет целый комплекс языковых, социальных и психологических причин, обуславливающих проникновение заимствований в японский язык.

1. Гайрайго необходимы для описания новых предметов и понятий (*дзукки* : ни—цуккини, новый овощной гибрид, *байоэссикусу* — от англ. *bioethics* — отрасль знаний, имеющая дело с этическими аспектами биологических исследований).

2. Заимствования используются для передачи новых оттенков эмоций и чувств. Например, разница в переживаниях современной женщины и дамы хэйанской эпохи подчеркивается тем, что о чувствах первой говорят *фирингу* (от англ. *feeling* «чувство»), а говоря о второй, используют традиционное канго *канкаку*. К этой же категории канго, по мысли Исивата, относятся и «экстравагантные» слова и названия с налетом «заграничного» шика, обещающие новизну, необычность и высокие качества продуктов и услуг, например, *сарон экусупурасу То : кё*: («салон-экспресс „Токио“» — название поезда), *райфу стайру* («образ жизни» — роскошный, конечно — от англ. *life style*).

3. Часто гайрайго применяются к понятиям, разделившимся на «свои» и «иностранные» для смыслового выделения последних. Так, спектакль традиционного японского театра называют *энгаки*, а представление театра европейского направления — *пафо* : *мансу*.

4. Многие гайрайго представляют собой научные, спортивные и торговые термины, проникшие в повседневный язык (скажем, *рэ* : *два*: «лазер»), либо названия новых профессий типа *фассён адобайдза*: (от англ. *fashion adviser* «консультант по вопросам моды»). Отметим попутно, что аргументация В. М. Аллатова, противопоставляющего язык сферы потребления языку научно-технической литературы на том основании, что в научных текстах количество гайрайго меньше, чем, скажем, в инструкциях, рассчитанных на массового пользователя, выглядит несколько искусственно. Прежде всего неправомерно делать вывод о превалировании канго в научно-технических текстах только на основании анализа соответствующих японско-русских словарей. В изданиях такого типа канго превалируют именно в силу отказа составителей от включения в корпус словаря большого числа заимствований, которые в научном контексте легко «расшифровываются» из-за близости их значений англоязычным эквивалентам. Анализ текстов реальных научно-технических статей и книг или, на худой конец, предметных указателей к ним позволяет сделать вывод, что доля гайрайго в них остается значительной. Так, в предметном указателе к сборнику статей о полупроводниковых лазерах «Хандо : тай рэ : дза:—но кисо» (изд. «Омуся», 1987 г.) среди 264 терминов «чистые» канго составляют 44%, а гайрайго в сочетании с канго и латиницей — 42%. Это указы-

вает на высокую степень агрегированности заимствований в языке научно-технической литературы. Гайрайго стали такой же несомненной частью этого языка, как и современного японского языка вообще.

5. Некоторые гайрайго заимствуются из международного политического лексикона и используются как регулярно (например, *саммито* — от англ. *summit* «встреча на высшем уровне»), так и спорадически — для передачи атмосферы международных контактов.

6. Гайрайго могут использоваться как своего рода иносказания вместо тех японских слов, которые в данной ситуации оказываются недостаточно вежливыми. Например, в универмагах отдел одежды для беременных женщин чаще всего называется *матамити доросу* от англ. *maternity dress*, несмотря на наличие японского эквивалента *нимпуфуку*.

7. Наконец, гайрайго могут оказаться предпочтительнее по причинам чисто языкового характера, как более удобные в употреблении. Такие примеры легко найти в европейских языках; скажем, немецкое слово *Lieblingsbeschäftigung* практически вытеснено его английским аналогом *hobby*. В японском подобного рода заимствования появляются либо как альтернатива сложным канго (например, *IC* — от англ. *integrated circuit* — интегральная схема — вместо япон. *сю* : *эки кайро*), либо как средство ликвидации омофонии (япон. *сирису* означает и «муниципальный», и «частный», поэтому в последнем случае часто заменяется на гайрайго *пурайбэ* : *то* от англ. *private* «частный»).

С предлагаемой проф. Т. Исивата классификацией причин и каналов проникновения заимствований в современный японский язык можно и не согласиться, но бесспорно наличие по крайней мере нескольких таких причин, и это никак нельзя упустить из виду. Приведенные примеры показывают, что гайрайго представляют собой сложный конгломерат пограничной лексики, активно осваиваемой японским языком при наличии целого ряда внешних и внутренних причин.

Заключительные главы рецензируемой книги посвящены вопросам изучения и регулирования языка в современной Японии и распространения японского языка за ее пределами. Отмечая со вполне понятной ноткой горечи, что ни в одной из развитых стран правительство не уделяет лингвистическим вопросам столь большого внимания, как в Японии, автор весьма подробно анализирует деятельность таких учреждений, как Государственный институт японского языка и Институт культуры радио- и телепередач государственной радио- и телекомпании

Эн-Эйч-Кэй, в научной продукции которых преобладают работы прикладного характера; их теоретической основой служат идеи известной школы «языкового существования» (*гэнго сэйкацу*). В функции Государственного института входит сбор данных самого различного характера по японскому языку, проведение массовых обследований и детальный статистический анализ полученных данных, изучение форм языкового поведения и т. п. Читателю книги интересно узнать, что существует значительный банк данных по японскому языку последних десятилетий, большинство результатов исследований обрабатывается на ЭВМ. В Институте культуры занимаются изучением языка телевидения и радио и выработкой практических рекомендаций и предложений, которые используются для проведения целенаправленной языковой политики средствами радио и телевидения. Активная языковая политика, проводимая государством, дает свои плоды. В отличие от многих других стран в Японии наблюдается массовый интерес к

лингвистическим проблемам, пользуются популярностью книги лингвистов, японцы часто и с готовностью обсуждают языковые проблемы.

В последние годы растет число иностранцев, изучающих японский язык; этому способствуют и усилия по пропаганде за рубежом японской культуры, предпринимаемые правительственными, полуправительственными и частными организациями, среди которых не последнее место занимает Японский фонд. Информативным рассказом об их деятельности завершается полезная книга В. М. Алпатова, публикация которой будет с благодарностью встречена многими из тех, кто искренне и глубоко интересуется культурой нашего восточного соседа. Отмеченные проблемы, которые вызывают желание полемизировать с автором, не затеяют несомненной ценности работы В. М. Алпатова, которая может оцениваться положительно по самым строгим меркам научной критики.

Кручина Е. Н.

Технический редактор *Беллева Н. Н.*

Сдано в набор 29.08.89	Подписано к печати 23.02.90	Формат бумаги 70×100 ^{1/16}		
Высокая печать	Усл. печ. л. 13,0	Усл. кр.-отг. 74,6 тыс.	Уч.-изд. л. 15,0	Бум. л. 5,0
	Тираж 5666 экз.	Зак. 3895	Цена 1 р. 60 к.	

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, телефон 203-00-78

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6